

Красная нить

Дилан Харби

Дилан Харби

Красная нить

<https://litres.ru/74273013>

SelfPub; 2026

Аннотация

В ночь, когда над тайгой раскалывается небо, в дом женщины-егеря Эльзы стучит её муж, погибший четыре года назад. Рядом с ним — десятилетний мальчик, который называет её мамой. Они пришли из другой жизни — той, где Глеб не погиб, а у них родился сын.

До закрытия разлома остаётся трое суток. Но с каждым часом чужая реальность вытесняет настоящую: фотографии меняются, живых забывают, а мёртвые возвращаются к тем, кто не сумел их отпустить.

Чтобы остановить слияние миров, Эльза должна добраться до заброшенной Северной станции. Ей мешает Тархов — отец, чья утонувшая дочь тоже вернулась. Он готов пожертвовать целым посёлком, лишь бы не потерять её снова.

Эльзе предстоит выбрать между людьми, которых она обязана спасти, и единственной семьёй, о которой мечтала всю жизнь. Но как отпустить сына, которого никогда не было, если он помнит, как она его любила?

Дилан Харби

Красная нить

ПАВЕЛ КОНДРАТЬЕВ

СЫН, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Мистический триллер

© Павел Кондратьев, 2026

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Трое на фотографии

В ту ночь мёртвый муж Эльзы трижды постучал в дверь.

Именно трижды — костяшками пальцев, с одинаковыми короткими промежутками. Так он стучал всегда, когда возвращался с дальнего обхода и не хотел снимать рукавицы ради обледеневшей дверной ручки. Эльза узнала этот стук сразу.

Узнала раньше, чем успела испугаться.

За двадцать минут до этого над Усть-Куюмом раскололось небо. Эльза находилась в сарае и возилась с генератором. Старый дизель в последнее время заводился только после долгих уговоров, двух ударов гаечным ключом и одного ругательства, обязательно произнесённого без свидетелей. При людях машина капризничала ещё сильнее. Посёлок сидел без электричества с половины восьмого. Электрик Семён Петрович обещал разобраться утром, если мороз не усилит-

ся. Мороз, разумеется, усилился. К десяти часам термометр за кухонным окном показывал минус тридцать семь, а столбик продолжал опускаться.

Деревянные стены дома негромко потрескивали, словно внутри брёвен кто-то перебирал сухие пальцы. Снег под валенками скрипел резко и недовольно. При таком холоде каждый звук становился отдельным предметом: звон цепи на колодце, хлопок калитки у соседей, кашель старого Моторина через три двора. Даже собственное дыхание казалось чужим. Эльза вытерла руки о ватные штаны и наклонилась к мотору. От железа пахло соляжкой, гарью и старой промасленной ветошью. Она уже собиралась снова дёрнуть шнур, когда свет пробился сквозь щели сарая.

Сначала белый. Потом густо-синий. Он лёг поперёк стен ровными полосами и на мгновение сделал каждую щепку отчётливой, словно помещение вспороли изнутри и показали его содержимое кому-то, смотревшему сверху. Эльза выпрямилась. Генератор молчал. В доме электричество тоже не появилось. Но двор за дверью сиял так ярко, будто снег подожгли холодным огнём. Раздался гул. Не гром и не самолёт. Звук шёл сразу отовсюду: из земли, из крыши, из собственных зубов. На полках задрожали банки с гвоздями. С потолочной балки посыпалась труха.

Эльза распахнула дверь сарая. Небо над тайгой было чистым. Звёзды стояли густо, почти вплотную друг к другу. В мороз они всегда казались ближе, но сейчас между ними

двигалось что-то ещё. Не метеорит. Метеориты падали быстро, оставляя за собой тонкий след. Этот свет шёл медленно, будто выбирал место. Огромное белое пятно плыло над чёрными вершинами елей, время от времени исчезая и появляясь немного в стороне. Затем оно остановилось. На несколько секунд стало тихо. Совсем тихо. Не залаяла ни одна собака. Не скрипнула дверь. Даже генератор перестал пахнуть — или Эльзе так показалось.

Свет упал за дальний хребет. Земля под ногами один раз вздрогнула. С крыши сарая съехал пласт снега и рассыпался у её сапог.

— Ну вот, — сказала Эльза. — Только этого не хватало.

Голос прозвучал спокойно. Она привыкла разговаривать сама с собой после смерти Глеба. Поначалу ловила себя на том, что спрашивает его, сколько положить соли в суп или где он оставил пассатижи. Потом перестала ловить. В пустом доме любая речь была лучше тишины, потому что тишина тоже отвечала, только всегда одним и тем же. Ничего нет. Никого больше нет.

Эльза постояла во дворе, глядя на хребет. Там, где исчез свет, поднималось едва заметное бледное марево. Не дым — при таком морозе дым стлался бы низко. Скорее сияние, похожее на отражение далёкого города, которого за сопками быть не могло. В кармане ватника ожила рация. Она вздрогнула и вытащила её.

— Первый кордон, ответьте. Эльза, слышишь меня?

Голос принадлежал Андрею Тархову. Когда-то он руководил районным поисково-спасательным отрядом, потом ушёл в администрацию и стал отвечать сразу за лесные пожары, пропавших туристов, весенние паводки и всё остальное, чему в районе не находилось отдельного начальника. Говорил он всегда одинаково — тихо, без лишних слов, будто заранее знал, что ему подчинятся. Эльза нажала кнопку.

— Слышу.

— Видела?

— Если ты про то, что сейчас чуть не снесло мне сарай, то видела.

— Что именно?

— Свет. Упал за Перевальным.

В рации потрескивало. Тархов не отвечал дольше, чем требовал простой вопрос.

— Ты сейчас где?

— Дома.

— В доме?

Эльза посмотрела на открытый сарай, генератор и чёрные окна избы.

— Почти.

— Зайди внутрь. Запри дверь. В лес не ходи.

— Я и не собиралась ночью бежать встречать небесных гостей с караваем.

— Я серьёзно.

— Это заметно.

— Эльза.

Он произнёс её имя иначе. Не начальственным голосом — устало и почти испуганно. Она перестала улыбаться.

— Что случилось?

— Пока не знаю. Связь с Верхним кордоном пропала. У Моторина окна выбило. Люди видели падение в разных местах. Одни говорят, за Перевальным. Другие — возле старой станции.

— Нельзя увидеть одно падение в двух местах.

— Вот и я о том же.

Что-то треснуло в эфире. За помехами Эльзе почудился ещё один голос — высокий, детский. Он произнёс одно короткое слово, но разобрать его она не успела.

— Кто рядом с тобой? — спросила Эльза.

— Никого.

— Я ребёнка слышала.

Тархов снова замолчал.

— Показалось, — сказал он наконец.

— Тебе или мне?

— Иди в дом. Через час свяжемся.

Рация отключилась. Эльза ещё несколько секунд держала её у лица. У Тархова была дочь. Лида. Девочка утонула пять лет назад, в конце апреля, когда лёд на Куюме уже почернел, но ещё казался крепким. Ей было девять. Сам Тархов нашёл варёжку на полынье, а тело подняли только через восемь дней, ниже по течению.

После похорон он ни разу не произнёс имени дочери при Эльзе. В посёлке вообще умели не говорить о главном. Здесь спрашивали, починил ли человек крышу, завёлся ли снегоход и сколько дров осталось до весны. Если кто-то умирал, соседи приносили еду, молча кололи поленницу и уходили до темноты. Эльза закрыла сарай и направилась к дому. Не дошла нескольких шагов, когда заметила следы. Они начинались у калитки. Небольшие, круглые углубления в свежем снегу, похожие на отпечатки детских сапог. Следы шли вдоль забора, останавливались возле окна спальни и возвращались к дороге.

Эльза присела. Снег выпал около часа назад. Она сама смела его со ступеней перед тем, как идти к генератору. Ребёнок мог пройти здесь совсем недавно. Но детей на их конце посёлка не осталось. Последней была шестилетняя внучка Семёна Петровича, и неделю назад мать увезла её в районный центр. Остальные давно выросли или перебрались южнее, где школы не закрывали из-за того, что в классе осталось три ученика. Эльза сняла рукавицу и коснулась края следа. Снег был рыхлым. Отпечаток свежий.

— Эй! — крикнула она.

Тайга за домами приняла её голос и ничего не вернула.

— Кто здесь?

В соседнем дворе залаял пёс Моторина. Один раз, коротко. Потом заскулил и забился под крыльцо — Эльза услышала, как звякнула цепь. Она выпрямилась. Следы возле окна

обрывались. Не поворачивали к дороге, не уходили за дом. Просто заканчивались на ровном месте, будто ребёнка подняли со снега и унесли по воздуху. Эльза медленно надела рукавицу.

В доме было темно и холодно. Печка ещё держала тепло, но без насоса вода в трубах могла замёрзнуть до утра. Она зажгла две свечи и поставила керосиновую лампу на кухонный стол. Жёлтый свет вернул вещам привычный вид: потёртый клеёнчатый верх стола, сушёные травы над плитой, трещину на эмалированном чайнике.

В чёрном оконном стекле на мгновение проступило её отражение: узкое обветренное лицо, серые глаза, тёмные волосы, кое-как стянутые на затылке, ранняя седая прядь у виска. На правой брови белел короткий шрам — память о капкане, который она разряжала без рукавиц. В городе такое лицо называли бы усталым. Здесь оно считалось обычным зимним лицом человека, привыкшего рассчитывать только на себя. Из темноты выступила фотография на стене.

Эльза старалась на неё не смотреть. Не потому, что больно. Острая боль прошла давно, оставив после себя тупую тяжесть, которую она носила так же привычно, как ружьё. Просто на фотографии Глеб продолжал улыбаться, и в этой улыбке теперь было что-то невежливое. Снимок сделали летом, за восемь месяцев до его гибели. Они стояли на берегу Куюма. Глеб держал две щуки, а Эльза шурилась от солнца и пыталась убрать с лица волосы. Фотографировал Тархов.

Эльза сняла куртку, повесила её возле печи и всё-таки посмотрела на фотографию. Между ней и Глебом стоял мальчик. Она не сразу поняла, что изменилось. Мозг принял изображение целиком, как знакомую комнату, в которой кто-то переставил один стул. Лишь спустя секунду Эльза подошла ближе. Мальчику было лет девять или десять. Худой, в выцветшей синей футболке, он стоял чуть впереди взрослых и смотрел прямо в объектив. Глеб положил ему руку на плечо. Эльза на фотографии придерживала мальчика за локоть.

Все трое улыбались. Она схватила рамку со стены. Подушечка большого пальца оставила влажный след на стекле. Эльза протёрла его краем свитера. Мальчик не исчез. У него были светлые волосы Глеба и её тяжёлые, чуть опущенные веки. Одно ухо заметно оттопыривалось — такое же было у её отца. На правой брови виднелась узкая белая полоска шрама. Эльза перевернула рамку, вытащила металлические зажимы и достала фотографию. Старый глянцевый лист. Потёртый угол. На обороте её собственным почерком:

«Куюм. Июль. Матвею девять».

Она прочитала надпись дважды. Потом поднесла фотографию к пламени свечи. Чернила были не свежие. Они успели выцвести вместе с остальной записью. Бумага пахла пылью и табаком — Глеб курил возле открытого окна, хотя она запрещала ему делать это в доме. Эльза уронила снимок на стол. В шкафу над мойкой стояла бутылка водки. После

похорон она несколько месяцев наливала себе на ночь, пока однажды не проснулась у погасшей печки и не поняла, что могла замёрзнуть в собственном доме. С тех пор бутылка оставалась нетронутой — для гостей, которых не было.

Сейчас Эльза достала её и налила в кружку на два пальца. Выпила. Водка обожгла рот и провалилась в желудок тёплым тяжёлым комком. Мальчик на фотографии продолжал улыбаться. Эльза взяла телефон. Связи не было. На экране оставалось двенадцать процентов заряда. Она открыла галерею и нашла тот же летний снимок. На маленьком экране стояли трое. Эльза, Глеб и мальчик. Следующая фотография: Глеб ремонтирует крышу сарая. Внизу мальчик придерживает лестницу. Ещё одна: зима, новогодняя ёлка, мальчик в зелёном свитере разворачивает подарок.

Эльза листала дальше. Матвей на крыльце с деревянным мечом. Матвей спит на диване, прижавшись щекой к боку старой лайки. Матвей сидит на плечах у Глеба. Эльза держит новорождённого ребёнка возле окна больничной палаты. Лицо женщины на фотографии было измученным и счастливым. Это была она — постаревшая на несколько часов, которых никогда не проживала. Телефон выпал из её руки. Она отшатнулась от стола и ударилась спиной о печь. Железо было горячим. Запахло подпаленной шерстью свитера. Боль вернула ей способность дышать.

— Нет, — сказала Эльза.

Она подняла телефон. Фотографии оставались на месте.

В памяти устройства появились сотни снимков, которых час назад не существовало. День рождения. Первый школьный звонок. Рыбалка. Разбитая коленка. Мальчик в больнице со сломанной рукой. Мальчик спит между ней и Глебом, раскинувшись поперёк кровати. На последнем снимке Матвей стоял возле дорожного указателя:

«Северная полярная станция — 214 км».

Дата была сегодняшняя. Снимок сделали в 21:43 — за несколько минут до того, как свет упал за хребет. Позади мальчика темнела фигура Глеба. Самой Эльзы в кадре не было. В дверь постучали. Три раза. Эльза замерла, держа телефон обеими руками. В доме тихо тикали механические часы. За стеной потрескивал мороз. Свеча возле окна дрогнула, хотя рама была заклеена ватой. Снова три удара. Не громче первого раза. Без нетерпения. Эльза положила телефон на стол и сняла ружьё с крючьев. Проверила патроны. Двенадцатый калибр, картечь. На медведя хватило бы, если подпустить близко.

До двери она дошла не сразу. Ноги словно вспоминали, как ходить.

— Кто? — спросила она.

За дверью кто-то выдохнул.

— Эльза.

Она закрыла глаза. Голос был старше, чем в памяти. Немного ниже, с хрипотцой. Но это был голос Глеба.

— Открой, пожалуйста.

Ружьё дрогнуло. Эльза упёрла приклад в плечо.

— Глеб умер.

За дверью стало тихо. Потом мужчина сказал:

— Знаю.

Это слово испугало её сильнее голоса. Не «нет». Не «ты ошибаешься». Не «я жив». Просто — знаю. Эльза сняла дверь с крючка, но засов не тронула.

— Отойди от двери.

— Хорошо.

Послышался хруст снега. Она приоткрыла дверь на ширину ладони. Холод ворвался в дом мгновенно, полоснул по лицу и погасил одну из свечей. На крыльце стоял Глеб. Не такой, каким его положили в гроб. И не такой, каким он остался на старой фотографии. Он выглядел так, словно прожил все четыре года после своей смерти. В волосах прибавилось седины. Возле глаз появились морщины. На подбородке темнела короткая небритая щетина. На нём была коричневая меховая куртка, которой Эльза никогда не видела, и старый шарф, связанный её матерью.

Этот шарф похоронили вместе с ним. Глеб смотрел на неё спокойно. Не улыбался. Из рта шёл пар. Живые дышат, подумала Эльза. Потом увидела мальчика. Он стоял чуть позади Глеба, спрятав подбородок в воротник синей куртки. На голове была нелепая вязаная шапка с одним оторванным помпоном. Ноги в слишком больших сапогах дрожали. Под носом блестела прозрачная капля. Тот же мальчик с фото-

графий. Он смотрел на Эльзу жадно, почти сердито, словно слишком долго ждал этой встречи и теперь обнаружил, что она произошла неправильно.

— Мам, — сказал он.

Эльза подняла ружьё. Глеб шагнул перед мальчиком.

— Не надо.

— Я выстрелю.

— Верю.

— Кто вы?

Мальчик выглянул из-за его плеча.

— Ты правда меня не помнишь?

— Матвей, помолчи, — сказал Глеб.

— Она меня не помнит.

— Я вижу.

— Ты говорил, она вспомнит.

В его голосе не было слёз. Только обида, слишком тяжёлая для десятилетнего ребёнка. Эльза перевела ствол на Глеба.

— Уходите.

— Нам некуда идти, — ответил он.

— Это не моя забота.

— В нашей жизни ты говорила так же, когда нашла щенка возле зимовья. Потом он восемь лет спал у тебя в ногах.

Эльза почувствовала, как палец лёг на спусковой крючок. О щенке знали многие. О том, что она сказала, — только Глеб. Они тогда были одни, в шестидесяти километрах от посёлка.

— Кто тебе рассказал?

— Ты.

— Я тебя никогда не видела.

— Ты видела меня почти каждый день семнадцать лет.

— Мой муж погиб четыре года назад.

Глеб посмотрел на неё так, как смотрят на человека, про-
изнёсшего вслух результат сложного анализа.

— В твоей жизни — да.

Мальчик снова задрожал. Теперь уже всем телом. Лицо у
него побелело, губы стали серыми.

— Пап, мне плохо.

Глеб обернулся, коснулся его лба.

— Нужно впустить его в тепло.

— Отвези его к фельдшеру.

— Мы не можем показываться в посёлке.

— Вы уже показались мне.

— Потому что ты должна нам помочь.

Эльза коротко рассмеялась. Получился сухой неприятный
звук.

— Я должна помочь мёртвому мужу и ребёнку, которого
у меня никогда не было?

Матвей дёрнулся, будто она ударила его. Глеб прикрыл
глаза.

— Не говори так.

— Как?

— При нём.

— Его не существует.

Мальчик вышел из-за отца. Встал прямо перед ружьём. Он боялся — Эльза видела это по мелкому подрагиванию век, по тому, как он вдавил пальцы в рукава. Но не отступил.

— Тогда почему я мёрзну? — спросил он.

Эльза не нашла ответа.

— Почему у меня болит нога? Почему я помню, как ты сидела рядом, когда мне вырезали аппендикс? Ты всю ночь держала меня за руку и врала, что совсем не боишься. Почему я помню, как ты разозлилась, когда я называл тебя старой? Почему я знаю, что ты прячешь шоколад за банкой с гречкой?

Эльза невольно посмотрела в сторону шкафа. Мальчик заметил.

— Я есть, — сказал он. — Просто не здесь.

У него дрогнул подбородок. Вот теперь он почти заплакал, но быстро отвернулся, словно стыдился. Эльза опустила ствол на несколько сантиметров.

— Что произошло?

— Мы пока сами не всё понимаем, — сказал Глеб. — В нашем мире сегодня вечером над станцией появился свет. Такой же, какой ты видела здесь. Потом начали меняться вещи. Сначала мелочи. Я помнил два разных утра. Матвей нашёл в своей комнате одежду, которой никогда не носил. Потом исчезла школа. Не разрушилась — её как будто никогда не строили.

— И вы решили прийти сюда?

— Мы ничего не решали. Нас выбросило возле Перевального.

— Кто выбросил?

— Не знаю.

— Удобно.

— Эльза, посмотри на меня.

— Я смотрю.

— Нет. Ты проверяешь, насколько хорошо я изображаю Глеба. А ты посмотри.

Она не хотела. Всё-таки посмотрела. Карие глаза. Тонкий белый шрам возле виска. Привычка чуть прикусывать внутреннюю сторону щеки, когда он нервничал. Но было и другое: морщины, которых она не знала; усталость прожитых без неё лет; осторожность человека, много раз представлявшего эту встречу. Это не мог быть тот Глеб, которого она похоронила. Но это мог быть Глеб, которого она не потеряла. Мысль была такой страшной, что Эльза снова подняла ружьё.

— Сколько времени?

— Что?

— Ты сказал, мы должны помочь. Значит, есть срок.

Глеб посмотрел на часы.

— Семьдесят один час и двенадцать минут. Возможно, меньше.

— До чего?

— До закрытия разлома. Нам нужно добраться до Северной станции.

— Она заброшена двадцать лет.

— В твоём мире.

— А в вашем?

— Я там работал.

Эльза почувствовала, как внутри неё что-то холодеет отдельно от мороза. Глеб никогда не работал на полярной станции. Он был лесным техником. Погиб во время зимнего обхода в сорока километрах от посёлка. Но на последней фотографии в телефоне Матвей стоял именно возле указателя на станцию.

— Зачем вам туда?

— Чтобы вернуть всё на свои места.

— То есть вас — обратно?

Глеб не ответил. Мальчик повернулся к нему.

— Ты сказал, мы останемся.

— Я сказал, что попробуем.

— Ты соврал.

— Я сказал то, во что хотел верить.

— Это и есть враньё.

Он произнёс это без детской капризности, почти равнодушно, и Эльзе стало не по себе. Через секунду Матвей пошатнулся и ухватился за дверной косяк. Он был ребёнком — измученным, замёрзшим и смертельно испуганным. Но иногда из него смотрел кто-то старше. Не взрослый. Просто тот,

кто уже однажды пережил конец собственного мира. Эльза открыла дверь шире.

— Только до утра.

Глеб кивнул.

— Только до утра.

— Ружьё останется у меня.

— Разумно.

— Спать будете на кухне.

— Хорошо.

— И если хоть один из вас подойдёт к моей спальне...

— Ты выстрелишь, — закончил Матвей. — Мы поняли.

Он прошёл мимо неё в дом. От его куртки пахло снегом, дымом и детским шампунем с яблоком. Эльза знала этот запах. Несколько часов назад его не существовало в её жизни, но теперь память услужливо подсказала: такой шампунь она покупала Матвею в районном магазине, потому что от другого у него чесалась голова. Эльза схватилась за косяк. Воспоминание исчезло прежде, чем она успела рассмотреть его. Глеб задержался на пороге.

— Началось, — тихо сказал он.

— Что?

— Ты вспоминаешь.

— Ничего я не вспоминаю.

— Пока — почти ничего.

Он вошёл и закрыл дверь. Матвей стоял посреди кухни, оглядываясь с растерянностью. Провёл пальцем по столу.

Посмотрел на лампу, печь, шкаф.

— Здесь всё не так.

— Это мой дом, — сказала Эльза.

— Я знаю. Но холодильник должен стоять там. А на стене были часы с кукушкой. Я их сломал, когда мне было шесть, а ты сказала папе, что они сами упали.

— Я никогда не вру.

Матвей посмотрел на неё.

— Мне врала.

В рации на столе раздался треск. Все трое одновременно повернули головы.

— Эльза, ответь, — произнёс Тархов. — Немедленно.

Она потянулась к рации, но Глеб схватил её за запястье. Прикосновение было тёплым. Настоящим.

— Не отвечай.

Эльза выдернула руку.

— Не указывай мне в моём доме.

Рация снова ожила. Теперь в голосе Тархова не было привычной сдержанности.

— Эльза, слушай внимательно. Что бы ты ни увидела, не выпускай это внутрь. Оно будет выглядеть знакомым. Оно может знать вещи, которых никто посторонний знать не должен.

Эльза медленно посмотрела на Глеба. Матвей снял шапку. Волосы прилипли ко лбу от растаявшего снега.

— Почему он знает? — спросила Эльза.

Глеб отпустил её руку.

— Потому что его дочь пришла первой.

За стенами дома ветер двинулся по посёлку, поднял с крыш сухой снег и понёс его между тёмными избами. А в телефоне Эльзы появилась новая фотография. На ней Лида Тархова сидела за кухонным столом своего отца. Девочке по-прежнему было девять лет. На коленях у неё лежала мокрая красная варежка.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Суп

Первым делом мальчик снял рукавицы. Не куртку и не шапку — только рукавицы. Положил их на край печи, аккуратно, ладонями вверх, и подержал над ними руки. Пальцы были красными, на костяшках кожа побелела от холода. Эльза поставила ружьё возле стола, но не дальше вытянутой руки.

— К печке близко не садись. Обожжёшься и не почувствуешь.

Матвей посмотрел на неё.

— Ты всегда так говоришь.

— Я ничего тебе не говорила.

Он опустил глаза.

— Здесь не говорила.

Глеб снял куртку. Сделал это осторожно, словно находился не в доме, а в чужой комнате, где любая вещь могла ока-

заться дорогой хозяину. Под курткой был тёмный свитер с заштопанным локтем. Эльза знала эту штопку. Кривые частые стежки, серые нитки вместо чёрных. Так она зашивала одежду — быстро, крепко и некрасиво. Глеб всегда говорил, что после её ремонта дырка начинала выглядеть надёжнее остальной вещи. Она отвернулась.

— Сапоги снимайте. Пол заливать нечего.

Матвей нагнулся, потянул за шнурок и поморщился. Пальцы не слушались. Он попробовал снова, но узел только затянулся. Глеб шагнул к нему.

— Давай помогу.

— Я сам.

— Я вижу.

— Пап.

— Хорошо.

Мальчик продолжал возиться со шнурком. Дышал через рот. Нижняя губа дрожала — не от плача, от усилия. Эльза смотрела на него дольше, чем собиралась. Потом присела.

— Ногу сюда.

Матвей замер.

— На колено ставь. Не тяни шнурок, сначала ослабь вот здесь.

Он поставил сапог на её колено. Подошва была тяжёлая, в налипшем снегу. Эльза сняла рукавицу, подцепила узел ногтем и распустила его. Мальчик пах морозом. Ещё немного — дымом, шерстью и тем самым яблочным шампунем, вос-

поминание о котором появилось у неё на несколько секунд и исчезло. Пока она стягивала сапог, Матвей положил ладонь ей на плечо. Не обнял. Просто придержался. Тёплая детская рука. Тяжесть почти незаметная. Эльза сняла второй сапог и поднялась слишком быстро.

— Носки мокрые.

— Я знаю.

— Снимай.

— При тебе?

— Мне всё равно.

Он посмотрел на Глеба. Тот едва заметно улыбнулся.

— Ей правда всё равно.

— Отвернитесь оба, — буркнул Матвей.

Эльза отвернулась к плите. И неожиданно тоже улыбнулась. Совсем немного. Уголком рта, так что никто не должен был заметить. На плите оставалась кастрюля с картофельным супом. Эльза сварила его на три дня: картошка, сушёные грибы, морковь, кусок лосятины. После смерти Глеба она так и не научилась готовить на одного. Наполняла большую кастрюлю, потом ела одно и то же, пока пища не начала пахнуть холодильником. Сегодня это оказалось кстати. Она добавила в печь два полена и поставила кастрюлю разогреваться. Глеб подошёл к рукомойнику.

— Вода есть?

— В баке. Насос не работает.

Он взял ковш. Не тот. Сначала протянул руку к гвоздю

возле окна, где в их доме, видимо, висело что-то другое. Пальцы наткнулись на пустую стену. Глеб остановился, посмотрел на гвоздь и только потом заметил ковш возле ведра. Маленькая ошибка успокоила Эльзу. Если бы он безошибочно знал каждую вещь, это было бы похоже на обман. Но он путался. Этот дом был ему знаком — и всё же не принадлежал.

Глеб умылся ледяной водой. Провёл мокрыми ладонями по лицу и волосам. Снял очки — Эльза только теперь заметила, что он начал их носить, — и вытер стёкла краем свитера. Её Глеб видел прекрасно. Этот щурился, читая надпись на коробке спичек. Четыре года, подумала Эльза. В том мире он успел состариться ещё на четыре года.

— Очки откуда? — спросила она.

— Зрение село.

— Когда?

— После сорока.

— Тебе было тридцать девять.

— Когда я умер?

Эльза сжала половник.

— Когда погиб.

Глеб надел очки.

— Прости.

Она не поняла, за что именно он извиняется: за слово, за собственное лицо или за то, что продолжал жить где-то ещё. Матвей сидел у печи в сухих шерстяных носках. Эль-

за узнала их — они лежали в нижнем ящике комода. Глеб, значит, нашёл сам. Мальчик поднёс ладонь к дверце печи, потом быстро отдёрнул.

— Горячо.

— Печь для этого и нужна, — сказала Эльза.

— У нас была другая.

— Какая?

— Белая. Пап сам сложил. Она всё время дымила.

— Не всё время, — отозвался Глеб.

— Когда ветер с реки.

— Два раза за зиму.

— Мама говорила, что ты построил коптильню для людей.

Глеб снова улыбнулся. Теперь улыбка была знакомой.

Эльза положила половник на стол.

— Не называй её так.

Матвей посмотрел на отца.

— Как?

— Мамой.

Глеб сказал это спокойно, без приказа. Мальчик сразу понял.

— А как?

Эльза сняла крышку с кастрюли. Пар ударил ей в лицо.

— Эльза.

Матвей повторил неслышно, одними губами. Имя ему не понравилось. Оно лежало во рту неудобно, как таблетка.

— Хорошо, — сказал он.

Эльза разлила суп по трём мискам. Мальчик сел на место Глеба. Не выбрал его после раздумья. Подошёл и сел сразу, будто делал это каждый день. Потом посмотрел на отца, понял ошибку и начал вставать.

— Сиди, — сказал Глеб.

— А ты?

— Здесь сяду.

Он устроился сбоку, на табурете у стены. Когда был жив, ненавидел этот табурет: слишком низкий, одна ножка короче других. Сейчас подложил под неё сложенный вчетверо клочок картона. Эльза хранила такой возле холодильника. Он нашёл картон, не спрашивая. Она поставила перед ним миску.

— Ложки там.

Глеб открыл верхний ящик. Ложки лежали в нижнем. Матвей тихо фыркнул.

— Чего? — спросил отец.

— Ничего.

— Говори.

— Ты сказал, что всё помнишь.

— Я помню наш дом.

— А этот не наш?

Глеб посмотрел на Эльзу.

— Почти наш.

Она достала ложки сама. Суп ели молча. Матвей сначала осторожно попробовал бульон, потом начал есть быстро, за-

хлёбываясь и обжигаясь. Глеб положил ладонь на край его миски.

— Медленнее.

— Я медленно.

— Ты не дышишь.

Мальчик шумно вдохнул через нос и продолжил. Эльза отрезала хлеб. Положила перед ним два ломтя, через минуту добавила третий. Он ничего не сказал, только придвинул хлеб ближе. Глеб ел иначе, чем прежде. Держал ложку левой рукой.

— Ты был правой, — сказала Эльза.

Он посмотрел на ложку.

— Был.

— Что случилось?

— Повредил два пальца. На станции.

— На той самой?

— На Северной.

Матвей поднял голову. Глеб едва заметно покачал ему головой. Эльза увидела.

— Что вы мне не договариваете?

— Много, — ответил Глеб.

— Хорошее начало.

— Если рассказать всё сейчас, ты не согласишься ни одному слову.

— А сейчас я, по-твоему, верю?

— Сейчас ты нас кормишь.

Она хотела возразить, но промолчала. Матвей доел суп и провёл куском хлеба по дну миски. Собрал остатки бульона, съел. Потом осторожно спросил:

— Можно ещё?

Эльза налила ему вторую миску. Он проследил за каждым движением половника. Смотрел, как суп стекает с металла, как на поверхности вращается кружок моркови.

— Что? — спросила она.

— Ничего.

— Ты так смотришь, будто супа никогда не видел.

— Такого не видел.

— Картошку у вас отменили?

— Грибы.

— Что грибы?

— У нас их нельзя есть.

— Почему?

— После белой зимы нельзя.

Глеб перестал жевать.

— Матвей.

— Она всё равно узнает.

— Не сегодня.

Мальчик пожал плечами и подул на суп.

— Какая ещё белая зима? — спросила Эльза.

— Потом, — сказал Глеб.

— Вы пришли ко мне ночью, объявили, что ты мой погибший муж, он — мой несуществующий сын, а через трое

суток надо ехать на станцию. И после этого предлагаете поговорить потом?

— Да.

— Наглость ты сохранил.

— Это не самое плохое, что можно сохранить.

Глеб произнёс это без улыбки, но Эльза вспомнила, как он говорил почти теми же словами. Однажды она ругала его за привычку оставлять мокрое полотенце на кровати. «Мог сохранить привычку выпивать, — ответил он. — Полотенце ещё не самое плохое». Она стояла возле кровати с этим полотенцем в руке и пыталась не рассмеяться. Воспоминание пришло целиком: свет из окна, голая спина Глеба, запах мыла, тёмное мокрое пятно на покрывале. Эльза вздрогнула. Глеб заметил.

— Что?

— Ничего.

— Ты вспомнила?

— Я и раньше это помнила.

— Что именно?

— Неважно.

Она унесла свою недоеденную миску к мойке. Матвей следил за ней. В его взгляде не было любопытства — скорее осторожность ребёнка, который пытается понять настроение взрослого по тому, как тот ставит посуду. Эльза поставила миску слишком громко. Мальчик опустил глаза. И тогда она поняла, что он знает этот звук. Не её — другую. Женщину

с тем же лицом и теми же руками, которая, вероятно, точно так же гремела посудой, когда не хотела кричать. Эльзе стало тесно в собственном доме.

— Где она? — спросила она.

Глеб не переспросил. Матвей перестал есть.

— Та Эльза. Ваша.

За окном ветер швырнул снег в стекло. На несколько секунд оно стало белым. Глеб снял очки и положил их рядом с миской.

— Её нет.

— Где?

— Нигде.

Матвей смотрел в суп.

— Когда?

— Одиннадцать месяцев назад.

Эльза почувствовала облегчение. Оно пришло мгновенно, раньше жалости, и от этого стало стыдно. Там не было другой женщины, к которой им следовало вернуться. Никто не ждал Глеба. Никто не имел на Матвея больше прав. Она возненавидела себя за эту мысль.

— Что случилось?

— Потом, — сказал Глеб.

На этот раз она не спорила. Матвей положил ложку.

— Она заболела.

Глеб закрыл глаза.

— Я же просил.

— Она имеет право знать.

— Не сейчас.

— А когда? Когда мы опять исчезнем?

Глеб посмотрел на сына. Матвей сжался, словно ждал удара, хотя отец даже не повысил голоса. Потом мальчик повернулся к Эльзе.

— Она долго болела. Сначала забывала слова. Потом комнаты. Однажды спросила, почему я называю её мамой. Папа сказал, что это пройдёт. Не прошло.

Эльза не двигалась.

— В последний день она меня вспомнила, — продолжил Матвей. — Только меня. Папу уже нет.

— Хватит, — тихо сказал Глеб.

— Она сказала, чтобы я не сердился.

Мальчик вытер нос рукавом. Эльза протянула ему полотенце. Он взял.

— Я не сердился, — сказал Матвей. — Я просто не разговаривал с ней утром. Потому что она накануне выбросила мои рисунки. А вечером она умерла. Папа говорит, это неважно. А я думаю, она ждала, что я что-нибудь скажу.

Глеб сидел, наклонив голову. Его левая рука лежала на столе ладонью вверх. Два пальца действительно сгибались не до конца. Эльза вспомнила последние слова, сказанные своему Глебу. Не уходи без сухих рукавиц. Обычная фраза. Раздражённая. Она даже не посмотрела на него, когда он закрыл дверь. Человек думает, что главное скажет позже. Ве-

чером, после работы, когда перестанет болеть голова, когда чай заварится. А потом от всей совместной жизни остаётся просьба взять сухие рукавицы. Эльза села напротив Матвея.

Не прикоснулась к нему. Просто села. Мальчик вытер нос полотенцем, сложил его и положил возле миски. Некоторое время они молчали втроём. Дом потрескивал от мороза. За окном шёл снег. Крупные хлопья падали медленно и ровно, видимые в жёлтом свете лампы. Матвей повернул голову к окну.

— Здесь он другой.

— Кто? — спросила Эльза.

— Снег.

— Снег везде снег.

— Нет.

Он подошёл к окну и прижался лбом к стеклу.

— У нас он падает быстро. Прямо вниз. А здесь кружится.

Эльза встала рядом, оставив между ними полшага. За стеклом снег действительно кружился. Ветер подхватывал хлопья возле крыши, поднимал, отпускал и снова ловил. Некоторые долго висели на одном месте, будто не могли решить, куда им падать. Матвей дышал на стекло. Пятно запотевало, потом мороз начинал затягивать его по краям тонкими белыми иглами.

— Можно открыть?

— Замёрзнешь.

— На минуту.

Эльза сняла крючок и приоткрыла форточку. В кухню вошёл холод. Пламя лампы вытянулось. Матвей подставил ладонь. Одна снежинка легла на кожу и сразу исчезла. Он улыбнулся. Не ей и не отцу — исчезнувшей капле. Эльза закрыла форточку. Матвей продолжал держать ладонь перед лицом, словно на ней осталось что-то, чего она не видела.

— Красиво, — сказал он.

Обычное слово. Тихое, почти ненужное. Но Эльзе пришлось отвернуться. На столе ожила рация. Глеб накрыл её ладонью прежде, чем Тархов успел заговорить.

— Выключи, — сказал он.

— Это моя рация.

— Если ответишь, он придёт.

— Он и так придёт.

Будто услышав её, за окном далеко заурчал двигатель снегохода. Матвей опустил руку. Глеб встал. Эльза взяла ружьё. Снегоход приближался. ---

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Девочка из апреля

Тархов приехал один. Остановил снегоход за калиткой и не стал глушить мотор. Фара освещала двор, снег летел через её белый луч и казался пеплом. Эльза смотрела из-за занавески.

— Оставайтесь здесь.

— Он знает, — сказал Глеб.

— Знать и видеть — разные вещи.

— Для него уже нет.

Матвей сидел на полу возле печки. Эльза дала ему старое одеяло. Он завернулся в него по плечи, оставив снаружи только голову.

— Не выходи, — сказала она.

— Я не маленький.

— Вот и докажи.

Он нахмурился, но кивнул. Глеб подошёл к двери.

— Я пойду с тобой.

— Нет.

— Эльза.

— Если он увидит тебя, назад уже ничего не вернёшь.

Глеб посмотрел на неё поверх очков.

— Назад уже ничего не вернуть.

Она открыла дверь и вышла на крыльцо. Тархов стоял у калитки. Высокий воротник закрывал половину лица. На плечах и шапке лежал снег. Он не двигался, пока Эльза не спустилась со ступеней. Тархов был широкоплечим, тяжёлым мужчиной с короткими седыми волосами и однажды сломанным носом. Мороз выбелил его ресницы. Обычно неподвижное лицо сейчас словно держалось на одном усилии: челюсти сжаты, возле рта легли две глубокие складки, а под правым глазом едва заметно пульсировала жилка.

— Одна? — спросил он.

— Ты видишь кого-нибудь ещё?

Тархов посмотрел на окна.

— Вижу три тени.

Эльза не обернулась.

— Лампа коптит.

— Лампы не отбрасывают детских теней.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Он снял рукавицы. Пальцы дрожали. Эльза прежде не видела, чтобы у Тархова дрожали руки — даже в тот день, когда из реки достали Лиду.

— Они внутри?

— Кто?

— Не заставляй меня произносить.

— Боишься, исчезнут?

Тархов посмотрел ей в глаза.

— Она дома.

Эльза сразу поняла.

— Лида?

Он кивнул. Снегоход работал на холостых оборотах. Из выхлопной трубы вырывались серые облачка, на лету становившиеся белыми.

— Какая она? — спросила Эльза.

— Мокрая.

— Что?

— Когда появилась, с неё текла вода. Куртка, волосы, сапоги — всё мокрое. В доме лужа осталась. Вода пахнет рекой.

Тархов говорил ровно, но при каждом слове тёр большой палец об указательный, будто пытался отмыть что-то невидимое.

— Она думает, что сегодня двадцать восьмое апреля, — продолжил он. — Спрашивает, почему выпал снег. Просит позвать мать.

— Марина в Красноярске.

— Я знаю.

— Ты ей звонил?

— Нет.

— Почему?

— А что я скажу? Приезжай, наша мёртвая дочь вернулась и сидит на кухне?

Эльза посмотрела на дом. За занавеской шевельнулась тень.

— Ты сам пришёл сказать мне?

— Я пришёл забрать тех, кто у тебя.

— Куда?

— Пока ко мне.

— Зачем?

Тархов помолчал.

— Лида сказала, что их нельзя пускать на станцию.

— Откуда она знает про станцию?

— Не говорит. Или не помнит.

— А может, ты не хочешь спрашивать.

Он поднял голову.

— У тебя там Глеб?

Эльза не ответила.

— Он выглядит старше?

Сердце ударило сильнее. Тархов увидел ответ по её лицу.

— Лида выглядит точно так же, — сказал он. — Девять лет. Садына на подбородке. Красная варежка. Та самая.

— И что ты собираешься делать?

— Сначала понять, что произошло.

— Заперев их всех у себя?

— Защитив.

— От кого?

— От нас, если потребуется.

В другое время эта фраза показалась бы угрозой. Сейчас в ней была только усталость. Тархов сделал шаг к крыльцу. Эльза подняла ружьё. Он остановился.

— Я не дам тебе войти.

— Ты не знаешь, кого впустила.

— А ты знаешь?

— Нет.

— Тогда мы в одинаковом положении.

— Нет, Эльза. — Голос его стал жёстче. — Я хотя бы не притворяюсь, что это чудо.

Из дома донёсся кашель Матвея. Тархов закрыл глаза. Всего на секунду. Но Эльза заметила, как изменилось его лицо. Он услышал ребёнка — и вспомнил собственную дочь.

— Он болен? — спросил Тархов.

— Замёрз.

— Лида тоже не может согреться. Я посадил её возле печи, дал горячего молока. Она пьёт, а губы всё равно синие. Эльза опустила ствол.

— Позови Зою Сергеевну.

— Фельдшер не помнит Лиду.

— Она видела её тело.

— Теперь говорит, что никакой дочери у меня не было.

Они стояли друг напротив друга в свете фары.

— Когда забыла? — спросила Эльза.

— Через десять минут после её появления. Сначала узнала. Заплакала. Потом вышла на крыльцо, вернулась и спросила, кто эта девочка.

— А остальные?

— Моторин помнит, что у меня была дочь, но не помнит имени. Семён уверен, что Лида уехала с матерью. У всех по-разному.

— Ты помнишь.

— Пока.

Последнее слово он произнёс тише. В доме открылась дверь. Глеб вышел на крыльцо. Тархов отступил. Не резко. Всего на один шаг. Но Эльза вспомнила, как этот человек шёл по тонкому весеннему льду, когда все вокруг кричали ему вернуться. Тогда он не отступал. Глеб остановился возле Эльзы. Они с Тарховым смотрели друг на друга.

— Андрей, — сказал Глеб.

Тархов побледнел.

— Ты меня знаешь?

— Знал.

— Где?

— Здесь. И не здесь.

— Не говори загадками.

— В нашем мире мы работали вместе на Северной станции.

— Она закрылась, когда мне было двадцать два.

— У нас — нет.

— И что мы там делали?

— Пытались остановить то, что происходит сейчас.

Тархов взглянул на Эльзу.

— Удобная история.

— Я не прошу верить.

— А чего просишь?

— Не мешать нам добраться туда.

— Лида сказала, если вы запустите установку, всё вернётся обратно.

— Да.

— Она снова утонет?

Глеб долго не отвечал. Эльза услышала, как ветер трёт сухие ветки берёзы о крышу сарая.

— Она не утонет снова, — сказал Глеб. — Она просто перестанет быть здесь.

Тархов подошёл вплотную.

— Для тебя есть разница?

— Для неё — есть.

— Девять лет небытия научили её рассуждать о разнице?

— Она не была в небытии. Она жила в другой возможности.

Тархов коротко усмехнулся.

— Возможности не просят горячего молока.

Из дома снова кашлянул Матвей. Глеб обернулся. Всего лишь поворот головы, но Тархов увидел в нём то, что должен был увидеть: отцовский страх. Настоящий, некрасивый, мгновенный.

— Это твой сын? — спросил он.

— Да.

— И ты хочешь отправить его обратно?

Глеб не ответил.

— Вот и я не хочу, — сказал Тархов.

Он надел рукавицы.

— До рассвета я никого не трону. Потом соберу людей. На станцию вы не поедете.

— Не делай этого, Андрей.

— Ты меня не знаешь.

— Знаю достаточно.

Тархов открыл калитку.

— Тогда должен понимать.

Он сел на снегоход и уехал. Эльза и Глеб стояли на крыльце, пока звук двигателя не растворился среди домов.

— Он перекроет дорогу, — сказал Глеб.

— Перекроет.

— Нужно уходить сейчас.

— Матвей не выдержит.

— Если останемся, утром будет хуже.

Эльза посмотрела в тёмное окно. За стеклом мальчик сидел возле печи, завернувшись в её старое одеяло. Не двигался. Просто ждал, когда взрослые решат, что с ним делать.

— До утра, — сказала она. — Я обещала.

— Кому?

— Ему.

Глеб посмотрел на неё.

— Ты всегда выполняешь обещания.

— Не всегда.

— Не всегда успеваешь. Это другое.

Эльза хотела ответить, но из дома донёсся грохот. Они бросились внутрь. Матвей стоял возле открытого шкафа. На полу лежали крупа, жестяные банки и разбитая чашка.

— Я не трогал, — сказал он.

На его лице был испуг. Не из-за чашки. За банкой с гречкой лежала плитка шоколада. Эльза точно помнила, как прятала её туда неделю назад. Матвей тоже помнил. Он медленно протянул руку, достал шоколад и посмотрел на Эльзу.

— Это мой, — сказал он.

На синей обёртке чёрным маркером было написано:
«МАТВЕЮ. ПОСЛЕ УЖИНА».

Почерк принадлежал Эльзе. ---

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Как падает снег

Матвей проснулся в половине четвёртого. Эльза не спала. Она лежала на диване, не снимая свитера и брюк. Ружьё стояло рядом. Глеб устроился на полу у печи, подложив под голову куртку. Мальчику отдали кровать. В доме было тихо. Генератор так и не заработал, часы остановились в час семнадцать. Время теперь существовало только на телефоне и наручных часах Глеба. Матвей сел на кровати.

— Воды хочешь? — спросила Эльза.

Он вздрогнул.

— Я думал, ты спишь.

— Я тоже.

Она налила воду из чайника. Мальчик пил маленькими глотками, держа кружку обеими руками.

— Тёплая, — сказал он.

— В чайнике стояла.

— Вода тёплая.

— Я поняла.

— У нас она пахла железом.

Эльза села на край дивана.

— После белой зимы?

Матвей кивнул.

— Что это было?

— Сначала снег не растаял летом. Потом люди начали забывать дороги. Папа говорил, станция что-то делает со временем.

— Твой отец много говорит.

— Когда тебя нет.

Он произнёс это без упрёка. Глеб спал возле печи, повернувшись лицом к стене. Во сне он поджал больную левую руку к груди. Так же спал её муж после тяжёлой работы. Эльза отвела взгляд.

— Ты помнишь другую меня? — спросила она.

Матвей посмотрел в кружку.

— Да.

— Хорошо помнишь?

— Иногда.

— Что значит иногда?

— Лицо помню. Голос тоже. А потом вдруг не помню, какого цвета у неё были глаза. Хотя я на неё смотрел каждый день.

— У меня серые.

— У неё тоже.

— Значит, помнишь.

— Сейчас помню.

Он провёл пальцем по сколу на кружке.

— Эта чашка была папина.

— И здесь папина.

Матвей поднял голову.

— Правда?

— Он пил из неё чай, пока не отбил ручку. Потом сказал, что так удобнее держать.

— А у нас сказал, что ручка мешала ставить чашку возле рации.

Эльза невольно улыбнулась.

— Врал.

— Я знаю.

Они снова замолчали. За окном снег перестал кружиться и падал почти прямо. Крупные хлопья проходили сквозь свет лампы и исчезали внизу. Матвей придвинулся ближе к окну.

— Можно выйти?

— Сейчас?

— Ненадолго.

— Минус сорок.

— Я оденусь.

— Ночью в лес никто не ходит.

— Не в лес. На крыльцо.

— Зачем?

Он пожал плечами. Эльза хотела отказать. Это было бы разумно. Ребёнок простыл, дорога впереди тяжёлая, а тепло в доме уходило даже через закрытые двери. Но потом поняла: он хочет посмотреть на снег. Не на разлом, не на станцию и не на чужой мир. Просто на снег, который падает иначе.

— Одевайся.

Они вышли вдвоём. Воздух сразу сжал ноздри. Доски крыльца побелели от инея. Посёлок лежал в темноте, только в доме Тархова горели все окна. Матвей встал под козырьком.

— Дальше не ходи, — сказала Эльза.

Он сделал один шаг во двор. Запрокинул голову и открыл рот. Эльза смотрела, как снежинки ложатся ему на ресницы, волосы, щёки. Одна попала на язык. Матвей закрыл рот, задумался и сказал:

— Холодная.

— Какой ей ещё быть?

— Не знаю.

Он снова поднял лицо. Десятилетний мальчик. Слишком серьёзный, слишком худой. Ребёнок, которого она никогда не носила, не рожала, не учила ходить. Но её тело уже знало, что нужно поправить ему шарф. Эльза протянула руку. Остановилась. Матвей заметил это движение и замер. Не приблизился, не помог ей. Ждал. Она подтянула шарф к его подбородку. Пальцы коснулись тёплой кожи возле уха. Мальчик закрыл глаза. Всего на мгновение. Эльза отступила.

— Всё. В дом.

Матвей не спорил. У двери он обернулся.

— Она тоже так делала.

Эльза почувствовала укол ревности — быстрый, нелепый.

— Кто?

— Мама.

Он произнёс это слово не как обращение. Как имя умершей женщины.

— Когда думала, что я не вижу, — добавил Матвей. — Поправляла одежду. А если я смотрел, говорила: «Сам можешь».

Эльза открыла дверь.

— Сам можешь.

Матвей улыбнулся. На этот раз — ей. Утром исчез Антон Галин. Эльза узнала об этом случайно. В семь часов рация заговорила голосом его матери.

— Первый кордон, ответьте. Эльза, ты слышишь?

Галина говорила быстро и зло, как всегда, когда чего-то боялась. Эльза вышла в сени, чтобы Глеб и Матвей не слышали.

— Слышу.

— Ты ночью к моему дому не подходила?

— Нет.

— Окно открыто. В дальней комнате.

— Закрой.

— Я закрыла. Там вещи чужие.

Эльза прислонилась к стене.

— Какие вещи?

— Мужские. Куртка, ботинки, фотографии какие-то. На фотографиях я и парень. Молодой. Похож на Виктора.

Виктор был покойным мужем Галины.

— Это Антон, — сказала Эльза.

Рация зашипела.

— Кто?

— Твой сын.

На другом конце стало тихо.

— Эльза, ты чего?

— Антон. Тридцать два года. Работает в Сургуте на буровой. В прошлом месяце присылал тебе деньги на крышу.

Галина нервно рассмеялась.

— Какие деньги? У меня детей не было.

Эльза закрыла глаза. Она отчётливо помнила Антона. Длинного нескладного подростка с прыщами на лбу. Он три раза проваливал экзамен на водительские права. Однажды уснул в лодке и уплыл на девять километров вниз по реке. На похоронах Глеба стоял за сараем и плакал, потому что стеснялся делать это при взрослых.

— Посмотри в телефоне, — сказала Эльза. — Найди его номер.

— Да нет у меня никакого...

Галина замолчала.

— Что?

— Фотография меняется.

— Какая фотография?

— Где мы у реки. Он там был. Сейчас лицо... Эльза, что с лицом?

В рации послышался стук. Потом Галина закричала. Связь оборвалась. Эльза вошла в кухню. Глеб уже не спал.

Он сидел за столом, надев очки, и смотрел на фотографию, найденную в доме. Матвей стоял у окна.

— Кто исчез? — спросил Глеб.

Эльза остановилась.

— Откуда знаешь?

— Потому что так начинается.

— Антон Галин.

Глеб снял очки и потёр переносицу.

— Я его не знаю.

— В вашем мире его не было?

— Возможно.

— Что значит возможно?

— Наши воспоминания тоже меняются.

Матвей повернулся от окна.

— Это из-за нас?

Никто не ответил.

— Он умер? — спросил мальчик.

— Не знаю, — сказала Эльза.

— Его можно вернуть?

Глеб опустил голову.

— Если закрыть разлом.

— А мы?

— Матвей.

— Что будет с нами?

— Мы не знаем.

— Ты знаешь.

Глеб встал.

— Пойдём собираться.

— Скажи.

— Сейчас не время.

— Ты всегда так говоришь, когда не хочешь сказать правду.

Мальчик смотрел на отца, но постепенно его взгляд переместился на Эльзу. Она поняла, чего он ждёт. Другого ответа. Материнского. Такого, который не обязательно правдив, зато позволяет ещё немного не бояться. Эльза не умела давать такие ответы.

— Пока ты здесь, — сказала она, — ты должен есть, тепло одеваться и делать то, что тебе говорят.

— А потом?

— До потом ещё надо дожить.

Матвей кивнул. Ответ почему-то устроил его больше, чем обещание. Глеб вышел проверять снегоход. Эльза начала собирать продукты в дорогу: сухари, тушёнку, сахар, чай, спички. Матвей молча помогал. Подавал банки, держал мешок, складывал вещи слишком аккуратно, оставляя между ними одинаковые промежутки. Эльза заметила это.

— Не на выставку. Плотнее клади.

Он переложил. Потом взял плитку шоколада со своим именем.

— Это тоже?

— Тоже.

— Можно сейчас кусочек?

— После завтрака.

Он вздохнул. Так знакомо, что Эльза на мгновение увидела не гостя из невозможного мира, а просто ребёнка, которому не дают сладкое до еды. Матвей положил шоколад в рюкзак.

— Эльза?

— Что?

— Если я исчезну, ты сразу меня забудешь?

Она замерла с банкой тушёнки в руке.

— Почему спрашиваешь?

— Если забудешь сразу, тебе не будет больно.

За окном Глеб несколько раз дёрнул стартер. Снегоход не заводился. Он выругался — негромко и точно теми словами, которыми ругался её муж. Матвей ждал. Эльза поставила банку в мешок.

— Одевайся, — сказала она. — Выезжаем через двадцать минут.

— Ты не ответила.

Она затянула ремень рюкзака.

— Значит, пока не знаю ответа.

Матвей подошёл к двери, но возле неё остановился.

— Я не хочу, чтобы тебе было больно.

Он сказал это буднично. Не как признание. Как человек, сообщающий, что на улице холодно и нужно взять вторые рукавицы. Эльза не повернулась.

— Шапку надень.

Матвей надел. И вышел во двор. Только тогда Эльза позволила себе закрыть глаза. Счастье уже находилось в её доме. Ело её суп, просило шоколад и оставляло мокрые носки возле печи. Оно было совсем рядом. И от его дыхания исчезали люди.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дорога на север

Снегоход завёлся с одиннадцатой попытки. Первые десять Глеб дёргал стартер неправильно — слишком резко, не выбирая свободный ход. Эльза наблюдала с крыльца, как он упрямо повторяет одну и ту же ошибку, и с каждым разом всё яснее понимала: перед ней не воскресший муж. Её Глеб знал этот снегоход. Знал, что на морозе сначала нужно дважды качнуть рычагом, потом медленно потянуть трос до сопротивления и только после этого рвать на себя. Однажды он сам разбирал двигатель прямо на кухонном столе, пока Эльза не пригрозила выбросить за дверь и мотор, и механика.

Этот человек четыре года прожил в другом мире. Возможно, там у них был другой снегоход. Другой стол. Другие ссоры. Эльза спустилась с крыльца, молча отстранила его и завела двигатель. Глеб посмотрел на неё с той спокойной виноватостью, которая когда-то особенно её раздражала.

— Не начинай, — сказала она.

Он ничего и не начинал. На сборы ушло сорок минут. Эль-

за уложила в сани топливо, запасные рукавицы, топор, ружьё, аптечку и продукты. Проверила ремни дважды. Потом вернулась в дом и прошла по комнатам, хотя искать там было нечего. Печь горела. На столе стояли три грязные миски. Возле неё лежало свёрнутое одеяло, под которым спал Матвей. На полу остались влажные следы его носков. Дом выглядел обжитым. Не так, как вчера.

Четыре года Эльза возвращалась сюда и каждый раз видела отсутствие. Не пустоту — пустота бывает в новом доме, пока не расставлена мебель. Здесь всё находилось на своих местах, но каждое место напоминало, что рядом должно быть другое. Вторая кружка. Вторая подушка. Гвоздь для мужской куртки. Она привыкла не замечать их. А теперь дом за одну ночь наполнился чужими вещами, голосами и запахами. На спинке стула висел свитер Глеба. На печи сохли детские рукавицы. За банкой гречки лежала плитка шоколада, подписанная её рукой.

Эльза знала, что должна хотеть вернуть дому прежний вид. Вместо этого она поправила одеяло на диване и оставила печную заслонку чуть приоткрытой, чтобы тепло сохранилось до их возвращения. Если они вернуться. На дворе уже светало, но солнце ещё не поднялось. Северное утро начиналось не светом, а постепенным различием предметов. Сначала из темноты проступал забор. Затем сарай. Потом отдельные деревья за домом. Небо над тайгой долго оставалось серым, как старая алюминиевая миска.

Матвей сидел между взрослыми. Эльза посадила его за своей спиной, а Глеб устроился последним, удерживая сына и рюкзаки. Так было тесно, зато ребёнка закрывали от ветра с двух сторон. Перед самым отъездом Матвей обернулся к дому. Эльза тоже посмотрела. В кухонном окне стояла женщина. Только на мгновение: светлое лицо, серый свитер, волосы собраны на затылке. Женщина подняла руку, будто прощалась. Эльза резко повернулась. Окно было пустым.

— Что? — спросил Глеб.

Она прибавила газ. Снегоход рванулся вперёд. Они проехали между домами, мимо закрытого магазина, фельдшерского пункта и школы с заколоченными окнами. У дома Галины стояли люди. Несколько мужчин выносили из дальней комнаты кровать, шкаф и коробки с одеждой. Галина наблюдала с крыльца, кутаясь в пуховый платок. Эльза сбросила скорость. На снегу возле грузовика лежала фотография. Ветер переворачивал её с одного края на другой. На краткий миг Эльза увидела молодого Антона, стоящего рядом с матерью.

Потом ветер снова перевернул снимок. Эльза проехала мимо. Она не сказала Матвею, чьи вещи выносят из дома. Но мальчик прижался к её спине чуть крепче, словно понял сам. За посёлком дорога быстро сузилась. Последние столбы закончились возле старой пилорамы. Дальше начинался зимник — две укатанные колеи, проложенные по снегу между елями. Тайга приняла их без всякого движения.

Зимой лес не казался мёртвым. Мёртвое не ждёт весны. Оно не бережёт под снегом корни, семена и маленькие тёплые тела. Тайга просто закрывалась, сэкономила силы и смотрела на людей с терпением существа, которое переживёт их всех. Снег лежал на ветвях тяжёлыми пластами. Иногда одна из елей не выдерживала, сбрасывала белую ношу и распрямлялась с глухим вздохом. Этот звук сопровождал их всю дорогу: далёкие падения снега, будто кто-то большой шёл параллельно за деревьями.

Матвей сначала держался прямо. Через час начал клевать носом. Глеб подтянул его ближе, спрятал лицо сына за плечом Эльзы. Тепло детской головы чувствовалось даже через капюшон. Эльза вела снегоход и старалась не думать о том, как естественно это ощущается. Они остановились возле зимовья Долгий Лог. От посёлка было сорок восемь километров. Раньше здесь ночевали лесники, но после прокладки зимника избой почти не пользовались. Эльза заглушила двигатель. Тишина навалилась сразу. После двух часов рёва мотора она показалась плотной, как вода.

Матвей слез неловко, сделал несколько шагов и едва не упал. Ноги затекли. Он стеснялся этого и принялся поправлять ремень на рюкзаке, делая вид, что остановился специально. Возле крыльца снег пересекала цепочка следов.

— Заяц? — спросил он.

— Соболь.

— У нас соболи мельче.

— У вас всё другое?

Мальчик присел и коснулся следа варёжкой.

— Не всё. Папа такой же.

Глеб в это время сливал бензин из запасной канистры. Не слышал.

— А я? — спросила Эльза.

Матвей долго рассматривал отпечатки.

— Ты меньше разговариваешь.

— Это плохо?

— Не знаю. Она иногда говорила, когда лучше было молчать.

— Значит, я лучше.

Он посмотрел на неё серьёзно, проверяя, шутит ли она.

— А иногда молчала, когда надо было сказать.

Эльза достала ключ от зимовья.

— Тогда мы обе неидеальные.

— Она тоже так говорила.

Замок промёрз. Пришлось греть его ладонями, потом осторожно поворачивать ключ, пока внутри не хрустнул лёд. В зимовье пахло мышами, холодной золой и сухим деревом. На нарах лежали старые матрасы. Возле печки стояло ведро с замёрзшей водой, выпуклой, как стеклянная крышка. Глеб занялся огнём. Эльза проверила трубу, раскрыла заслонку и достала из-под нар сухие щепки. Они двигались рядом, не сталкиваясь и почти не разговаривая. Он подавал ей то, за чем она собиралась потянуться. Она заранее освобождала

место, куда он хотел поставить котелок.

Совместная жизнь оставляет в людях не только память. Она вырабатывает общий способ занимать пространство. Глеб взял полено, а Эльза уже протянула руку за топором. Оба остановились.

— Ты всегда боялась, что я отрублю себе палец, — сказал он.

— Я не боялась. Мне просто не хотелось везти тебя к фельдшеру.

— Конечно.

Она расколола полено сама. Матвей наблюдал за ними с нар. В его взгляде было облегчение ребёнка, увидевшего знакомый порядок вещей. Когда печь разгорелась, Эльза поставила греться воду. Глеб вышел осмотреть снегоход. Матвей снял куртку и лёг поверх одеяла, не разуваясь.

— Сапоги, — напомнила она.

Он не ответил. Эльза подошла. Мальчик уже спал. Она расшнуровала сапоги, стащила их и поставила возле печи. На правой пятке носок протёрся. Кожа покраснела. Эльза достала из рюкзака сухую пару. Приподняла его ногу, сняла мокрый носок. Матвей во сне нахмурился. И в этот момент она вспомнила, как делала это прежде. Не воображение. Не картинку, которую можно рассматривать со стороны. Воспоминание вошло через руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.